

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА HISTORY OF THE EAST

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-236-249

Научная статья

Особенности политико-религиозного развития ойратов в середине XIV – середине XV вв.

Б.У. Китинов

Институт востоковедения РАН, отдел истории Востока
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка 12

Период, начиная со второй половины XIV в. и до середины XV в. прошедший под знаком падения в Китае монгольской династии Юань, является важнейшим в истории восточных монголов и ойратов. До тех пор правило, согласно которому власть получали лишь представители «Золотого рода» (т. е. потомки Чингисхана по мужской линии), фактически не подвергалось никакому сомнению, однако со временем стали появляться различные его трактовки. Например, ойраты, как не-чингисиды, должны были утверждать свою власть, владея лишь вторыми ролями (первый министр – тайши). Ойраты, несмотря на внутренние неурядицы и борьбу с потомками юаньских правителей, смогли претендовать на образование единого монгольского государства, будучи под управлением тайшей из рода чорос. После длительной борьбы с восточными монголами (которых иногда возглавляли тоже ойраты, например Угэчи Хашиг и его сын Эсеху) таких ойратских лидеров, как Батула, Батуболо, Тайпин и Тогон, сыну последнего Эсэнэ удалось в краткие сроки не только вновь объединить ойратов, но и создать единое монгольское государство. Кроме того, он возродил религиозную и политическую роль сангхи, скорее всего, учения Карма Кагью черношапочная. Это было особенно важно, поскольку, кроме идеологического противовеса праву чингисидов, следовало отреагировать на рост активности ислама в регионе.

Ключевые слова: ойраты, буддизм, Юань, Мин, восточные монголы, Кармапа

Введение

По мнению Н. Я. Бичурина, ойратская история начинается с изгнания монголов из Китая [1. С. 24]; в целом того же мнения придерживается и Дж. Мияваки: ойраты вновь возникли на арене истории после смерти последнего императора Юань Тогон (Токуз) Темура в 1388 г. [2. Р. 40].

© Китинов Б.У., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Падение Юань повлияло на рост политической активности ойратов, которые в конце XIV в., видимо, в значительной массе продолжали находиться в подчинении у восточных монголов, в частности у Элбек-хагана (хана), потомка Тогон Темура. Согласно монгольским хроникам Хуухай Тайу (Хутхай Тафу), один из лидеров ойратов, подданный Элбек-хана, был убит ввиду наговора на него Элзит, ханской супругой. Позже, когда выяснилось, что он был казнен напрасно, Элбек-хан в возмещение ущерба передал в управление его сыновьям Угэчи Хашиге и Батуле четыре тумена (ойратов) ([3. С. 257–258]; [4. Р. 62, note. 199]); согласно «Желтой истории», ойратов получил лишь Батула [5. С. 84]. Судя по всему, был еще третий ойратский лидер – Батуболо; «народ ойратов распался на три части», отмечается в хронике «Мин ши» [6. С. 18].

Элбек-хан вручил Батуле титул *чинсанга* (государственного министра) и женил на своей дочери Самур Гунджи ([7. С. 25]; [5. С. 84]). «После того, как хаган просидел на престоле шесть лет, ойратские Батула-чинсанг и Угэчи Хашига прикончили Элбэг-хагана в год змеи (1), и он стал тэнгри. Батула-чинсанг и Угэчи Хашига сначала захватили четыре тумэна ойратов и стали врагами. Говорят, так была захвачена ойратами единая держава монголов», отмечается в «Алтан тобчи» ([3. С. 258]; [4. Р. 61]). Маловероятно, чтобы хаган был убит своим зятем, скорее всего, это сделал Угэчи Хашиг, которого Элбек-хан обделил наградами; в «Шара туджи» эта ситуация уточняется: «после этого ойратский Угэчи-хасха убил хана» [5. С. 85], что случилось спустя четыре месяца после описанных выше событий (женитьбы Элбек-хана на Элзит и убийства Хутхай-тафу).

Исследование проблемы

После убийства Элбек-хана восточных монголов в 1400 г. возглавил его сын Гантемур, но он спустя два года был убит тем же Угэчи Хашигом. Последний с помощью Аругтая (2) занял всемонгольский трон и принял имя Гуйлинчи-хана (3), а Аругтая был вручен титул *чинсанга* ([8. Р. 498]; [9. С. 147]). Недовольный таким развитием событий, Батула, бывший до того единственным чинсангом, начал войну с Гуйлинчи, которого Аругтай вскоре предал, и разбитый Гуйлинчи (Угэчи Хашиг) отправился в свои кочевья в районе Ганьсу, где вскоре скончался.

Аругтай в поисках настоящего потомка-чингисида посетил чагатайский Бешбалык, откуда он привез в Монголию младшего сына Элбек-хана, Буяншира (Бунияшир, 1379–1412 гг.), провозгласив его в 1408 г. императором с правящим титулом Ользитемур (Элзей-Темур), сам же принял звание *таши* (*тайши* – «Великий Наставник») и стал верховным военачальником. Каракорум вновь стал столицей. Батула, Батуболо и Тайпин (5) повели свои войска против нового императора и его тайша. Новый правитель династии Мин Чжу-ди (правил в 1402–1424 гг., девиз правления Юнлэ), заинтересованный в усобице между ойратами и восточными монголами, решил воспользоваться ситуацией и предоставил в том же 1408 г. императорские титулы этим трем ойратским лидерам, тем самым положив начало политике

разделения и ослабления этих кочевников: Махаму – титул «шунь-нин-ван, Тайпину – сянь-и-ван, Батуболо – ань-лэ-ван (6)» ([9. С. 148]; [10. Р. 77], последний указывает на 1409 г.]. Позже, в мае 1409 г., он даровал титул «Верный мирный принц» (онг, ван) Махаму (т.е. Батуле). Прознав про это, Ользитемур в ярости в июне того же года приказал убить минского посланника и начал военную кампанию против ойратов, которая провалилась [8. Р. 499]. Вскоре Ользитемур и Аругтай рассорились, и первый отправился на запад, на свою родину – в улус Чагатая, но по дороге в 1412 г. был убит Батулой, который поставил хаганом Делбека (1395–1415 гг.), сына Ользитемура (7). Готовясь к войне с Аругтаем, Батула потребовал от минских властей военную помощь, но те не только отказали ему, но и вручили 28 июля 1413 г. титулы и подарки Аругтаю (титул «Послушного Принца» (*hepani van*) и «правителя Каракорума» (*Хар-Хорина*)) и его окружению.

Смысл этого приема заключался не только в желании построить правящий слой соседних народов в иерархию китайской «табели о рангах», тем самым подчинив их себе прежде всего в политико-правовом отношении; налицо стремление минских правителей использовать классический прием *divide et impera* для ослабления своих сильных противников, поскольку их объединение грозило бы существованию империи. Был и внешнеполитический контекст: после смерти Туглук Тимура в 1362 г. в Могулистане начались усобицы, чем воспользовался Тимур (Тамерлан), в период 1375–1390 гг. подчинивший регион своей власти; впоследствии Могулистан стал опорным пунктом для его войск, готовившихся к войне с Китаем [11. С. 69–70]. Поход не состоялся из-за внезапной смерти Тимура в Отраре.

Батула пытался наладить дружественные отношения с Нанкином, однако минский двор настороженно относился к его успехам и тем более требованиям. В «Мин шилу» имеется запись от 1413 г.: «Северный варвар Бун-Буха прибыл ко двору и сообщил: «С тех пор как ойратский Мухмуд убил своего хана, он стал очень гордым и пытается бороться со Срединным государством. Тот факт, что он шлет послов ко двору – показатель не подчинения, но алчности к золоту, шелку и вещам» (цит. по: [12. Р. 51]).

В 1414 г. в битве армии ойратов против объединенной армии Аругтая и Мин (в последней воевало около 500 000 воинов) близ нынешнего Улан-Батора ойраты были разгромлены; чуть позже Делбек был убит Эсехой, сыном Угэчи Хашиги. Эсеха, в свою очередь, провозгласил себя императором и взял имя Ойрадай. Он продолжил давление на ойратов, последние отступили в южные регионы Джунгарской впадины и Могулистан, где в 1416 г. они были вновь разбиты в битве у Хами, а Батула схвачен и казнен. Вскоре Ойрадай скончался, а бессменный Аругтай в 1425 г. интронизировал императором Адая из хорчинов, потомка Хабугу-Хасара, младшего брата Чингисхана, а сам вновь стал тайш (тайши). Он подарил Адаю супругу Батулы, Самур, с ее сыном Бахаму, однако Адай вернул мальчика Аругтаю, который сделал его своим слугой и стал называть Тогоном (*toghoghan* – котелок), поскольку сам в свое время получил прозвание Аругтай от Батулы, для которого он собирал кизяк (*arag, aruq*). Его мать, Самур, вскоре упростила своего супруга Адая поз-

волить ее сыну вернуться к ойратам [8. Р. 500]. Будучи старшим сыном Батулы, Тогон в 1417 г. наследовал его титул *чинсанга* и формально возглавил «Четыре Ойрата». Еще через год он, с согласия двора, наследовал титул *шуньнин-вана* («Послушный и мирный правитель»), ранее врученный Минами его отцу, и проводил миролюбивую политику в отношении империи.

Тогон стал готовиться к войне и укреплять тылы: он выдал замуж свою дочь Нугандашир за Бушира, правителя Хаами, чьей независимости угрожали планы Адая и Аругтая, совместно с чагатаидами, возродить династию Юань; подчинил себе урянхаев; установил связи с чжурчжэнями [8. Р. 501]. Поскольку Адай не был потомком Чингисхана, и поэтому не пользовался авторитетом среди монголов, Тогон заранее подобрал ему замену – им стал Токто-Буха, старший из внуков Элзита, на которой ранее женился Элбек-хан по совету Хутхай-Тафу. Токто-Буха со своими двумя братьями проживал под опекой Батулы, и они поддержали его план.

В 1437/1438 г. Тогон разбил Адая и Аругтая и направил подарки императору Мин. Поскольку он сместил не-чингисида Адая, то скоро стал популярен по всей Монголии. Однако Тогон не торопился передать престол Токто-Бухе, возможно, поскольку сам хотел стать хаганом. Ранней весной 1439 г. на церемонии поклонения в Ордосе у священных юрт, где хранился *сильдэ* Чингисхана, Тогон, вместо того, чтобы объявить о начале правления Токто-Бухи, стал хвалиться, что он, ойрат, не ниже его, великого Чингисхана; согласно источникам, внезапно из юрты из колчана Чингисхана вылетела стрела, и Тогон скончался от раны в спине ([13. Р. 106]; [5. С. 85]; [8. Р. 502–503]). Токто-Буха стал ханом (8), принял имя Дайсун (Тайсун) и назначил Эсэна, сына Тогона, *тайши*, с сохранением за ним отцовских титулов, и верховным командующим. Тайсун взял под правление только восточную часть Монголии, Эсэн же отвечал за «Четыре Ойрата». Будучи вторым человеком после хана, Эсэн стремился проводить собственную политику; так, под 1451 г. источник сообщает, что «Тогто-Буха-ван и Эсэн-тайши северных монголов и ойратов раздельно прислали ко двору лошадей (9)» [12. Р. 52]. Судя по этим данным, Эсэн уже в открытую действовал как независимый правитель.

Убийство Элбек-хана, отделение ойратов от восточных монголов и их дальнейшая междоусобная борьба действительно имели принципиальнейшее значение для всех них. Д. Снис, имея в виду это же событие, отмечал, что монгольская хроника «*Altan Khürdün Minggan Khegesütü*» (ок. 1739 г.), описывает расхождение ойратской знати с чингисидами в конце XIV в. как отделение ойратской линии (*ug ündüsün*) от монгольской *mongyol*. «После этого политического акта ойраты описываются как отличные от монголов, хотя они продолжали быть включенными в число тех, кто говорит на монгольских языках (*mongyol kheleten*)» [14. Р. 171]. Нам хотелось бы выделить мнение Б. Я. Владимирцова, отметившего, что после падения Юань «“Золотой род” начал оскудевать; царевичей просто стало мало. А между тем младшие феодалы *sayid*’ы, вернувшись к своим “тысячам”, ставшим отоками, скоро почувствовали свою силу... Они поняли, что сами могут стать на их место [хаганов, джинонгов и тайджи – Б. К.]. Ойратские сайды оказались

в особо благоприятном положении» [15. С. 442]. Среди причин он выделяет их подчинение непосредственно хагану и правление над «молодым народом [ойратов], только что перешедшим на „степь“, лучше других монгольских племен сохранившимся во время войн империи и феодальных схваток между царевичами» [15. С. 443].

По Г.И. Рамстедту, «...после изгнания монгольской династии из Китая, имя Ойрат делается все более и более известным; ойраты и дёрбён-ойраты, «четыре ойрата», выступают в виде врагов восточных монголов, и стремления их направлены на добывание самостоятельности и независимости от “сорока” монголов» (11) [16. С. 547]. В данном случае мы видим совместное проявление тех тенденций, что были в ойратском сообществе: чтобы выйти из-под власти монгольских правителей, следовало обрести иную, отличную от монгольской (общемонгольской), идентичность, поскольку, как отмечает Д. Снис, «...быть монголом, означало, собственно, находиться под правлением борджигитов» [14. Р. 171]. Такого рода тенденции были тем более результативны, поскольку отсутствовал, или, скорее, играл минимальную роль такой важный скрепляющий фактор, как родовые отношения: в то время этнические группы были не автохтонными родственными сообществами, но политически определенными категориями, формировавшимися правителями [14. Р. 174].

Новая идентичность подразумевала наличие идеологической альтернативы. А. Бирталан пишет: «Поскольку чингисиды ослабили и к власти пришли вожди западно-монгольских племен, западные монголы нуждались в мифологическом и легендарном происхождении, чтобы сделать свое правление легитимным» ([17. Р. 79]. Такая идеологическая основа тем более была нужна, поскольку они в действительности со временем владели всей Монголией и устраивали военные набеги на соседей по всему периметру ее границ [10. Р. 78].

В поисках такой основы они обратились к буддизму. Это учение было им известно еще ранее. Косвенные свидетельства о бытовании буддизма у ойратов в рассматриваемый период можно найти, например, в «Тарих-и Рашиди», где есть сведения об упоминавшемся выше Туглук Тимуре (1329 / 1330–1363 гг.), первом правителе Могулистана (Восточного Туркестана), сыгравшем принципиальную роль в обращении местных тюркских народов в ислам. Он вырос среди ойратов; согласно источнику, «Хан [Туглук Тимур] в возрасте 16 лет был доставлен из калмаков (12) Амиром Буладжи; в возрасте 18 лет он стал ханом. В возрасте 24 лет он был обращен в ислам и умер в возрасте 34 лет. Он родился в 730 году (1329–1330 гг.)» (цит. по: [18. С. 38]). В «Тарих-и Рашиди» не говорится, какой веры придерживался Туглук Тимур, пребывая у ойратов, однако есть малоизвестная информация в источниках тибетской школы Карма Кагью, где отмечено, что Ролпэ Дорджэ (1340–1383 гг.), четвертый черношапочный Кармапа-лама, в 1363 г. получил приглашение от «правителя То-хора (13) ... чагатаидского монгола Тоглаг Темура» [19. Р. 147], но отказался посещать Могулистан, поскольку ранее хан был обращен в ислам. Данный эпизод из жизни Туглук Тимура позволяет заклю-

читать, что он был знаком с буддизмом, когда жил у ойратов (калмаков), которым буддийские положения в первой половине XIV в. были в определенной степени известны, и это был буддизм школы Карма Кагью (черношапочная).

Дополнительные сведения о бытовании буддизма в других монгольских улусах (прежде всего у чагатаидов) можно обнаружить, изучая внешнюю политику династии Мин. При императоре Чжу-ди Китай стал активно интересоваться и соседями, и дальними странами. Им был задействован большой арсенал политических, экономических и иных возможностей и средств, среди которых религиозная стала одной из значимых. В минских источниках отмечается, что в 1403 г. император решил послать миссию к известному тибетскому ламе Пятому черношапочному Кармапе Чойпел Зангпо (Dharma shŕī bhadra [Chos dpal bzang po], 1384–1415 гг.) [20. С. 113–115], более известному по данному ему титулу Дешин Шегпа (De bzhin gshegs pa), после того, как «был наслышан о его сверхъестественной практике Пути, когда тот бывал во дворах центрально-азиатских правителей» [21. Р. 75], под кем подразумевались, вероятно, чагатаиды. Действительно, китайский источник того периода отмечал, что Восточный Туркестан (западнее буддистов уже не было (14)) заселен мусульманами и буддистами [22. Р. 193].

Кармапа прибыл в Нанкин в конце 1406 г. и преподавал буддийское учение императору; в ответ он был награжден целым рядом титулов: wan-xing-ju-zu, shi-fang-zui-sheng, yuan-jue-miao-zhi и др. Примечательно, что титулы, преподнесенные Кармапе императором, не только эксплицитировали их переход от бывших сакьяских фаворитов времен Хубилая, основателя династии Юань, к кармапинским (например, титул «ринчен чогьял» (rin chen chos gyal)), но даже превосходили их: так, вместо юаньского титула «да-юань ди-ши» (Da yuan di shi, Великий учитель Великой Юань – титул «ру-лай» (Ru Lai, санскр. Tathāgata, тиб. De bzhin gshegs pa – татхагата, «Так пошедший»). Лю Чжао отмечает, что Кармапе не был вручен титул «Учителя императора», вместо этого он стал именоваться «Тот, кто проводит буддизм в мир» (Xi tian da shan zi zai fo) [23. Р. 19], что подразумевало запрет религиозным деятелям вмешиваться в дела империи. Он же приводит и такое мнение: если Хубилай вручал сакьяскому ламе Пагбе религиозную и светскую власть над Тибетом, то император Чжу-ди указал только на религиозную сферу деятельности ламы [Ibid]. Общаясь с тибетскими буддийскими лидерами, император проявлял большой интерес к делам у монголов, поскольку сам пришел к власти во многом благодаря их военной поддержке и понимал их военный потенциал [21. Р. 74].

Ойраты были заинтересованы в развитии отношений с Мин. В первой трети XV в., вскоре после установления торгового посольства от ойратских правителей просили буддийские культовые предметы, священные книги и др. [24. Р. 187]. В 1438 г. ламы, жившие у ойратов, получили от императора монашеские одеяния. В отношении событий в 1446 г. в «Мин ши» отмечено: «Эсэн, тайши ойратов (ва-ла), сообщил, что глава его посольства, Куан-Тинг гуши Чамчен-лама, известен своим глубоким знанием учения Будды, и поэтому просит [императора] подарить [ему] ... титул, серебряную печать и

монашескую одежду с золотой вышивкой. Также он просит танки с изображением Будд пяти категорий, кольца, музыкальные тарелки, барабаны, покрывала с драгоценными камнями, морские раковины и другие церемониальные инструменты» (цит. по: [25. Р. 51]).

Существует запись, датированная 1452 г., где упоминается Сангдаг-шири, другой государственный наставник Эсэна, и лама Сакуй-Темур [25. Р. 52]. Ш. Джагчид указывает, что, кроме таких высокопоставленных священнослужителей, вовлеченных в политические дела, «могли быть и другие ламы, которые не привлекались к политике, но были заняты своей святой работой как священники и проповедники Закона Будды» [Ibid]. Практически вся информация периода династии Мин о бытовании буддизма среди «северных варваров» (монгольских народов) имеет отношение только к ойратам [25. Р. 53].

Таким образом, Эсэн поклонялся Будде и высоко чтит монахов. Он не был чингисидом, поэтому в своих притязаниях на власть над монгольскими народами решил поднять значение буддизма к тому показателю, что имел место у Хубилая, когда сферой правителя были мирские дела, а ламы – духовные. Кроме получения из Пекина религиозных принадлежностей и титулов для лам, Эсэн мог также обращаться ко двору с просьбой направить к нему тибетских лам «для разъяснения буддийской доктрины» [26. Р. 53]. Вместе с тем он, вероятно, признавал сакральную власть императора.

Еще в 1421 г. минский двор переехал в Пекин, и этот переезд оказал важное влияние на Степь: империя развернулась в сторону кочевников, тем самым усилив свое политическое и экономическое присутствие в этой части Центральной Азии. Пекин стал быстро превращаться в политический и экономический центр, куда стремились посланцы от всех соседних народов.

Важное значение для управления «варварами» приписывалось принципу «цзими» («слабого управления варварами»), суть которого состояла в правиле «вносить смятение в сердца и тем завоевывать их» [11. С. 22]. Последующий пример является весьма характерным: Л. Шрам привел в своей работе информацию П. Пеллио, что «в период Хун-у (1368–1398 гг.) титулов «Учитель империи» и «Великий учитель империи» были удостоены лишь четыре или пять лам. Во время Юн-лэ (1403–1424 гг.) титула «Правитель закона» удостоились два ламы, два – «Будда западного рая», восемнадцать – «Куан-тинг» или «Да Гуши», или оба титула. В период Тянь-тай (1450–1456 гг.) титулы давались так часто, что мы сбились со счета» [27. Р. 17]. Весьма показательным, что массовое присвоение званий буддийским монахам началось после 1449 г., когда в битве при Ту-му, недалеко от Пекина, минские войска, несмотря на свое подавляющее численное превосходство, были наголову разбиты ойратами под командованием Эсэна [28]. Последствия были впечатляющими: более четверти из миллионной императорской армии было убито, сам император Ин-цзун попал в плен [29. Р. 416]. Пекин оказался без защиты и правителя, но, вероятно, ввиду почитания императора как Сына Неба и столицы империи как сакрального центра, Эсэн не решился на серьезный штурм, и приказал с почтением относиться к высокопоставленному пленнику. Вскоре, не добившись никаких преференций со стороны но-

вого императора, попросту отпустил Ин-цзуна на родину без каких-либо условий. После освобождения императора, в декабре 1450 г., Эсэн получил письмо, где был упомянут длинным списком титулов: «Эсэн, главнокомандующий армией ойратов, Дархан, Тайши, Правитель Хуай, Советник Правого Секретариата» («Wala tu-tsung-ping ta-la-han t'ai-shih Huai-wang ta-t'ou-mu chung-shu yu-ch'eng-hsiang Yeh-hsien») [30. P. 363].

В то время Срединная империя была сакральным центром не только для западных монголов, но и вообще для большинства (если не всех) соседей империи. Следует отметить, что в китайской политической практике вступление «варваров» в контакт с Китаем мыслилось как обращение к «цивилизации», что с их стороны должно было подкрепляться посылкой делегации (проявление «искренности») и подношением даров («дани») [11. С. 41]. Вместе с тем Китаем активно использовался принцип «стимул – реакция», где под «стимулом» мог подразумеваться как выезд китайского посольства к «варварам», так и приглашение правителей последних на аудиенцию к императору, что должно было реализовываться в «реакции» – ответном посольстве с подношением локальных продуктов производства. Тем самым возникала система реального или номинального вассалитета, когда приглашенные одаривались титулами, печатями и званиями за право поставлять «дань» ко двору. Г. Серрайс выделяет идею Ш. Джагчида о том, что в то время как кочевники стремились удовлетворить свои экономические нужды, основные цели Китая были политические [26. P. 54].

Эсэн в начале 1452 г. разгромил хагана и стал называть себя хаганом Юань: «Святой, утвержденный небесами, великий хаган великой Юань» (Da yuan tuan sheng thogo han) [6. С. 25]. Минский двор, все так же опасавшийся возрождения монгольского духа, и годом ранее вручивший ему пышный титул, решил именовать его хаганом ойратов; с тех пор он перестал именоваться тайши [30. P. 364]. В связи с такими переменами на титул «тайша» стал претендовать некий ойратский вождь (chih-yuan) Алаг, но Эсэн ему отказал, и осенью 1453 г. передал титул одному из своих сыновей, скорее всего, Амасанджи. Между Алагом и Эсэном возник конфликт, хаган отравил сыновей этого вождя, за что тот разбил войско Эсэна. Последний бежал, но был схвачен и убит. Это случилось в 1454–1455 гг. [30. P. 365].

Со смертью Эсэна завершился важный период в истории ойратов. К тому времени существенно изменилась международная обстановка, произошли значительные перемены у соседних мусульманских народов, обусловленные, прежде всего, преобразованиями в религиозной сфере. В Восточном Туркестане начался поворот от чингисидского права к исламским установлениям еще в конце XIV в., он усиливался в течение первой половины XV в. В регионе укрепилось учение шейха Беха-ад-дина Накшбанди (1318–1389) из Бухары (школы Накшбандийа). Вместе с тем значение самой принадлежности к «Золотому роду» никогда не оспаривалось.

В Самарканде после Тамерлана стал править его сын Шахрух, который, с целью утверждения себя достойным наследником и благочестивым правителем, около 813/1411 г. объявил, что отменяет монгольскую Ясу и

восстанавливает шариат [31. Р. 68]. Об этом он сообщил в письме к императору Юн-лэ в 815/1412–1413 гг. Свое письмо Шахрух начал с обсуждения пророков и отмены Мухаммадом прежних законов. Далее он рассказал о завоеваниях Чингисхана, не упоминая о его религии, но заявил, что многие потомки Чингиса и их регионы стали мусульманскими. Тимур, придя к правлению, применял шариат и поддерживал правоверных. Теперь, когда трон оказался у Шахруха, исламский закон был удостоен высокой чести, а суд (яргу – *yarghu* (15)) и законы Чингисхана были отменены. В конце письма следовало окольное предложение: ислам должен распространиться и на земли императора [31. Р. 69]. Можно допустить, что подобные намерения были у Шахруха и в отношении ойратов.

Поскольку ойраты были представлены во всех чингисидских улусах, то в их (ойратов) состав могли входить те или иные тюркские народы (роды), что, безусловно, сказалось на известном проникновении к ним ислама. Возможно, некоторая часть этого народа, например, отдельные представители чоросов, имевшие тюркское происхождение, стали мусульманами. Даже имя одного из их ойратских глав – Махаму (Махмуд) – свидетельствует об определенном присутствии ислама среди элиты ойратов (16). Вероятнее всего, ко времени его правления они в немалой степени придерживались шаманских культов, хотя буддизм также был им хорошо известен, как указано выше.

Несмотря на наличие среди ойратов тибетских монахов (вероятно, принадлежащих к направлениям такой школы тибетского буддизма, как Кагью) еще в середине XIV в., поворот их к буддизму случился не ранее периода правления Эсэна, т. е. во второй трети XV в. Эта перемена была связана с целым рядом причин, которые имели и внешние, и внутренние основы: политические, экономические, идеологические. К первым следует отнести начавшееся формирование государственных образований как у ойратов (основное место пребывания – Джунгарская впадина и Западная Монголия), так и у соседних кочевых народов. Экономические причины, связанные с разрешением Минской династии начать торг лошадьми, также сыграли свою роль в «буддизации» ойратов. Согласно Й. Элверскогу, после 1449 г. Эсэн «повернулся» к буддизму и установил связь с тибетскими ламами, как то было при Юань. Таким образом, он стал первым ойратским лидером, кто провозгласил буддизм религией своего государства [32. Р. 197].

Заключение

Борьба с Северной Юань (восточными монголами) требовала от ойратов обнаружения иной, отличной от восточных монголов, идентичности. Им также следовало обрести соответствующую идеологию. Первое решение было найдено в политическом объединении тех, кто был против доминирования восточных монголов в Западной Монголии, второе – в восприятии буддизма как государственной религии. Кроме того, желание ойратских лидеров обладать китайскими титулами (сами правители как *тайши*, представители духовенства – в рангах, предоставляемых императором) также фор-

мировало определенные стороны идентичности, которые позволяли противостоять попыткам исламизации, охватившей соседние регионы.

Примечания

- (1) 1401 г. По другим данным, это случилось в год красного быка (1387 г.) [33. С. 50].
- (2) Аругтай был выходцем из Хеленбуира (Хулун Буир, северо-восток совр. пров. Внутренняя Монголия КНР).
- (3) Он назван у Н. Я. Бичурина как «Гольци, не имевший законного права на престол» [1. С. 25].
- (4) Н. Я. Бичурин также отмечал, что в начале XV в. «сильные Князья Монголии разделились на три стороны или партии, и Глава сильнейшей из них обыкновенно занимал при Хане должность Тайши... пользовался неограниченным полномочием в делах и правом предводительствовать войсками целой Монголии» [1. С. 25].
- (5) Согласно Л. Жамсрану и В. Успенскому его звали Тайван ([8. С. 499]; [9. С. 147]).
- (6) По А. И. Чернышеву, Батула-чинсанг – это Махаму, Угэчи хашиг – Тайпин, Батуболо не идентифицирован [6. С. 18].
- (7) Й. Элверског отмечает: «Основываясь на минских записях, подъем ойратов начался на самом деле в 1412 г., когда ойратский правитель Махмуд сменил монгольского правителя Буяншири и поставил на трон его сына, Делбека» [4. Р. 61, note. 197].
- (8) Н. Я. Бичурин писал, что в 1425 г. Олотай (Аругтай. – Б. К.) был разбит ойратами и ушел на восток, к реке Ляо. Но в 1431 г. Тогон напал на него «которого убивши, овладел его народом и хотел объявить себя ханом, но прочие князья не были на сие согласны. И так на ханский престол возведен Тохто-буха, а Тогон сам себя объявил везирем его» [34. С. 197].
- (9) Как писал А. С. Мартынов, «с точки зрения высокой теории, значение приезда ко двору заключалось в том, что он давал возможность “варварам” выразить свою “искренность”. С этой точки зрения приезд с данью извне есть прежде всего форма выражения искренности» [35. С. 46].
- (10) Ойратских правителей, ставивших ханами Монголии потомков Чингисхана, а себя – первыми министрами при них, Д. Снис именуется «создателями правителей» (king makers) [36. Р. 395]. Эсэн фактически завершает список таких «создателей».
- (11) Подробно причины борьбы ойратов с восточными монголами (халха) рассмотрены И.Я. Златкиным [7. С. 23–24].
- (12) Вопрос об идентичности калмаков, т. е. их этнической принадлежности, является в науке довольно запутанной проблемой (см. ниже). Здесь под калмаками подразумеваются ойраты [37].
- (13) То-хор (Stod Hor) в тибетской историографии традиционно связывают с Восточным Туркестаном.
- (14) Утверждение династии Тимуридов в западной части прежнего Чагатайского улуса привело к укреплению исламом своих позиций во всем улусе: к 1430 г. не осталось буддистов в Турфане, к 1480 г. – в Хами.
- (15) Также известно как *Зарго*.
- (16) Конечно, могли быть причины и иного характера для наделения человека именем, присущим последователям иных религий. Отмеченное выше не означает, что Махаму (Батула) точно был мусульманином, но такая вероятность сохраняется.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. 127 с. (первое издание – 1834).

- [2] Miyawaki J. The birth of the Oyirad khanship // *Central Asiatic Journal*. 1997. № 41/1. Pp. 38–75.
- [3] Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введ., комм. и приложения Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 439 с.
- [4] Elverskog J. The Pearl Rosary. *Mongol Historiography in Early Nineteenth Century Ordos*. The Mongolia Society, Inc., 2007. 196 p.
- [5] Желтая история (Шара туджи). Пер. с монг., транслитер., введ. и комм. А.Д. Цендиной. М.: Восточная литература, 2017. 406 с.
- [6] Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. 136 с.
- [7] Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 331 с.
- [8] Jamsran L. Attempts to Overcome a Crisis of State: the Oirats Gain in Strength // *The History of Mongolia*. Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period / ed. by D. Sneath and C. Kaplonski. Global Oriental, 2010.
- [9] Успенский В. Страна Кукэ-Нор, или Цинхай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ-Нора // *Записки Императорского Русского Географического Общества*. 1880. Т. 6. С. 59–196.
- [10] Tsengel Н. The Formation of the Dorben Oyirad Alliance // *Ойрад ба дээд монголын туух, сурвалж бичгийн судлал*. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2017. Pp. 73–89. (Источниковедение и история ойратов и верхних монголов)
- [11] Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. Межгосударственные отношения. М.: Наука, 1991. 168 с.
- [12] Jagchid S. Trade, peace and war between the nomadic Altaics and the agricultural Chinese // *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*. 1970. № 7.
- [13] Sayang Sečen. *Erdeni-yin Tobči* ('Precious Summary'). A Mongolian Chronicle of 1662. Canberra: Australian National University, 1990.
- [14] Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia*. Columbia University Press, 2007. 273 p.
- [15] Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б.Я. *Работы по истории и этнографии монгольских народов*. М.: Восточная литература, 2002. С. 295–488.
- [16] Рамстедт Г.И. Этимология имени Ойрат // *Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. Записки ИРГО по отделению этнографии*. Т. XXXIV. СПб.: Типография В.У. Киршбаума (отделение), 1909. С. 547–558.
- [17] Birtalan Á. An Oirat Ethnogenetic Myth in Written and Oral Traditions (A Case of Oirat Legitimacy) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. Vol. 55. Iss. 1–3. Pp. 69–88.
- [18] Хайдар Мирза Мухаммад. *Тарих-и Рашиди*. Введ., пер. с персидского А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. Л.М. Епифановой. Ташкент: ФАН, 1996. 727 с.
- [19] Richardson H.E. The Karma-Pa Sect. A Historical Note // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1958. October. Pp. 139–164.
- [20] Карма Тринле. *История Кармап Тибета*. М.: Алмазный путь, 2010. 221 с.
- [21] Karmay Н. *Early Sino-Tibetan Art*. Aria & Phillips Ltd., 1975. 128 p.
- [22] Elverskog J. *Buddhism and Islam on the Silk Road*. University of Pennsylvania press, 2010. 340 p.
- [23] Luo Zh. The status of China's sovereignty in Tibet during the Ming dynasty // *China Tibetology*. 2015. № 1. Pp. 1–53.
- [24] Levathes L. *When China Ruled the seas: the Treasure Fleet of the Dragon Throne 1405–33*. New-York: Simon and Schuster, 1994. 256 p.
- [25] Jagchid S. Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty // *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*. 1971. № 2. Pp. 43–60.

- [26] Serruys H. Sino-Mongol Trade During the Ming // *Journal of Asian History*. 1975. Vol. 9. № 1. Pp. 34–56.
- [27] Schram L.M.J. The Monguors of the Kansu-Tibetan Border. Pt. 2. Their Religious Life. Philadelphia, 1957.
- [28] Elverskog J. Sagang Sechen on the Tumu Incident // *How Mongolia Matters: War, Law, and Society* / ed. by Morris Rossabi. Brill, 2017. Pp. 6–17.
- [29] Dictionary of Ming Biography. 1368–1644. Vol. 2. New-York – London, 1968. Pp. 1023–1751.
- [30] Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the fifteenth Century // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977. Vol. 37. № 2. December. Pp. 353–380.
- [31] Manz B.F. Family and Ruler in Timurid Historiography // *Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel / Indiana University Uralic and Altaic Series* / ed. by Devin DeWeese. Vol. 167. Bloomington: Indiana University press, 2001. Pp. 57–78.
- [32] Elverskog J. Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China. University of Hawai'i Press, 2008. 242 p.
- [33] Горохова Г.С. Монгольские источники о Даян-хане. М.: Наука, 1986. 117 с.
- [34] Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Том. 2. СПб.: в типографии Карла Крайя, 1828. 339 с.
- [35] Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 284 с.
- [36] Sneath D. Introduction // *The History of Mongolia*. Vol. II. Part 3: Yuan and Late Medieval Period. Global Oriental LTD., 2010. Pp. 391–400.
- [37] Китинов Б.У. «Ойраты-огеледы... пересекли реку Манкан»: этно-религиозная ситуация у ойратов в середине XV – начале XVI вв. // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2017. Т. 9. № 4. С. 370–382.

REFERENCES

- [1] Bichurin N.Ya. Historical review of Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present. 2nd ed. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1991. 127 p.
- [2] Miyawaki J. The birth of the Oyirad khanship. *Central Asiatic Journal*. 1997. № 41/1. Pp. 38–75.
- [3] Lubsan Danzan. Altan Tobchi (The Golden Legend). Transl. from Mong., Intr., comments and applications by N.P. Shastina. Moscow: Nauka Publishing House, 1973. 439 p.
- [4] Elverskog J. The Pearl Rosary. *Mongol Historiography in Early Nineteenth Century Ordos*. The Mongolia Society, Inc., 2007. 196 p.
- [5] Yellow Story (Shara Tuuji). Transl. from Mong., translit., intr. and comments by A.D. Tsendina. Moscow: Oriental literature, 2017. 406 p.
- [6] Chernyshev A.I. The Public and State Development of Oirats in the 18th Century Moscow: Nauka Publishing House, 1990. 136 p.
- [7] Zlatkin I.Ya. History of the Dzungar Khanate. 1635–1758. 2nd ed. Moscow: Nauka Publishing House, 1983. 331 p.
- [8] Jamsran L. Attempts to Overcome a Crisis of State: the Oirats Gain in Strength. *The History of Mongolia*. Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period. ed. by D. Sneath and C. Kaplonski. Global Oriental, 2010.
- [9] Uspensky V. The Country of Kuke-Nor, or Qinghai, with the addition of a brief history of the Oirats and Mongols, after expelling of the latter from China, in connection with the history of Kuke-Nor. Notes of the Imperial Russian Geographical Society. 1880. Vol. 6. Pp. 59–196.
- [10] Tsengel Н. The Formation of the Dorben Oyirad Alliance. Ойрад ба дээд монголын туух, сурвалж бичгийн судлал. Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2017. Pp. 73–89. (The Study of the Sources and History of Oirats and Upper Mongols).

- [11] Zotov O.V. China and East Turkestan in the 15th – 18th centuries Interstate relations. Moscow: Nauka Publishing House, 1991. 168 p.
- [12] Jagchid S. Trade, peace and war between the nomadic Altaics and the agricultural Chinese. *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*. 1970. № 7.
- [13] Sayang Sečen. *Erdeni-yin Tobči* ('Precious Summary'). A Mongolian Chronicle of 1662. Canberra: Australian National University, 1990.
- [14] Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia*. Columbia University Press, 2007. 273 p.
- [15] Vladimirtsov B.Ya. The social system of the Mongols. The Mongolian nomadic feudalism. Vladimirtsov B.Ya. *Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples*. Moscow: Eastern Literature, 2002. Pp. 295–488.
- [16] Ramstedt G.I. Oirat name etymology. Collection in honor of the seventieth birthday of G.N. Potanin. *Notes of the IRGO on the Department of Ethnography*. Vol. XXXIV. St. Petersburg: V.U. Kirshbaum Printing house (Department), 1909. Pp. 547–558.
- [17] Birtalan Á. An Oirat Ethnogenetic Myth in Written and Oral Traditions (A Case of Oirat Legitimacy). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. Vol. 55. Iss. 1–3. Pp. 69–88.
- [18] Haydar Mirza Muhammad. *Tarih-i Rashidi*. Introduction, transl. from the Persian by A. Urunbaeva, R.P. Jalilova, L.M. Epifanova. Tashkent: FAN Publishing House, 1996. 727 p.
- [19] Richardson H.E. The Karma-Pa Sect. A Historical Note. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1958. October. Pp. 139–164.
- [20] Karma Trinle. *History of Karmapas of Tibet*. Moscow: Diamond Way, 2010. 221 p.
- [21] Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Aria & Phillips ltd., 1975. 128 p.
- [22] Elverskog J. *Buddhism and Islam on the Silk Road*. University of Pennsylvania press, 2010. 340 p.
- [23] Luo Zh. The status of China's sovereignty in Tibet during the Ming dynasty. *China Tibetology*. 2015. № 1. Pp. 1–53.
- [24] Levathes L. *When China Ruled the seas: the Treasure Fleet of the Dragon Throne 1405–33*. New-York: Simon and Schuster, 1994. 256 p.
- [25] Jagchid S. Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty. *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*. 1971. № 2. Pp. 43–60.
- [26] Serruys H. Sino-Mongol Trade During the Ming. *Journal of Asian History*. 1975. Vol. 9. № 1. Pp. 34–56.
- [27] Schram L.M.J. *The Monguors of the Kansu-Tibetan Border*. Pt. 2. Their Religious Life. Philadelphia, 1957.
- [28] Elverskog J. *Sagang Sechen on the Tumu Incident. How Mongolia Matters: War, Law, and Society*. ed. by Morris Rossabi. Brill, 2017. Pp. 6–17.
- [29] *Dictionary of Ming Biography*. 1368–1644. Vol. 2. New-York – London, 1968. Pp. 1023–1751.
- [30] Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the fifteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977. Vol. 37. № 2. December. Pp. 353–380.
- [31] Manz B.F. Family and Ruler in Timurid Historiography. *Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel*. Indiana University Uralic and Altaic Series. ed. by Devin DeWeese. Vol. 167. Bloomington: Indiana University press, 2001. Pp. 57–78.
- [32] Elverskog J. *Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. University of Hawai'i Press, 2008. 242 p.
- [33] Gorokhova G.S. *Mongolian sources about Dayan Khan*. Moscow: Nauka Publishing House, 1986. 117 p.
- [34] Bichurin N. Ya. Notes on Mongolia. Vol. 2. St. Petersburg: in the printing house of Karl Kraj, 1828. 333 p.

- [35] Martynov A.S. The Status of Tibet in the 17th – 18th Centuries in the Traditional Chinese System of Political Thoughts. Moscow: Nauka Publishing House, 1978. 284 p.
- [36] Sneath D. Introduction. The History of Mongolia. Vol. II. Part 3: Yuan and Late Medieval Period. Global Oriental LTD., 2010. Pp. 391–400.
- [37] Baatr Kitinov. “The Oirats-Ogeleds... crossed the Mankan river”: the ethno-religious situation at the Oirats in the middle of XV – the beginning of XVI centuries. RUDN Journal of World History. 2017. Vol. 12. № 3. Pp. 370–382.

Research article

The Features of Political and Religious Development of Oirats in the middle of the XIV – the middle of the XV centuries

Baatr Kitinov

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russian Federation, 107031

The period starting from the second half of the XIV century. and up to the middle of the 15th century, had held under the sign of the fall of the Mongol Yuan Dynasty in China, and it was the most important one in the history of the Eastern Mongols and Oirats. Until then, the rule that only representatives of the Golden Family (that is, the descendants of Genghis Khan) were able to receive power to govern over Mongols, was, in fact, not questioned, but later the various interpretations began to appear. For example, Oirats, as non-Genghisids, had to assert their power, possessing only second roles (Taishi – the first minister). Despite the internal turmoil and the struggle with the descendants of the Yuan rulers, the Oirats did not try to create the united Mongol state headed by Taishis from the Choros Oirat clan. After a long struggle with the Eastern Mongols (who sometimes had also been led by Oirats, for example Ugechi Khashig and his son Esehu) of such Oirat leaders as Batula, Batubolo, Taiping and Toghon, the son of the latter, Esen, managed to not only to unite the Oirats in a short time, but also to create the united Mongolian state. In addition, he revived the religious and political role of the sangha, most likely the teachings of black-caped hat Karma Kagyu. This act was especially important because, besides the ideological counterweight to the right of Genghisids, one should have responded to the growth of Islamic activity in the region.

Key words: Oirats, Buddhism, Yuan, Ming, Eastern Mongols, Karmapa

Информация об авторе / Information about the author

Китинов Баатр Учаевич – к.и.н., доцент, старший научный сотрудник, отдел истории Востока, институт Востоковедения РАН.

Kitinov Baatr – PhD, Associates Professor, Senior research fellow, Department of history of East, Institute of Oriental studies of RAS.

Для цитирования / For citation

Китинов Б.У. Особенности политико-религиозного развития ойратов в середине XIV – середине XV вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 3. С. 236–249. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-236-249

Kitinov B. The Features of Political and Religious Development of Oirats in the middle of the XIV – the middle of the XV centuries // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 3. P. 236–249. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-3-236-249

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 28.03.2020